

Ольга Севан*

ДУХ МЕСТА: МЕЖДУ МАТЕРИАЛЬНЫМ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫМ НАСЛЕДИЕМ

Аннотация. Статья посвящена международному научному симпозиуму «Дух места: между материальным и нематериальным наследием», который состоялся в конце 2008 года в рамках 16-й Генеральной Ассамблеи ИКОМОС (ICOMOS) – Международного комитета по памятникам и историческим местам в г. Квебеке, Канаде. Организаторами мероприятия выступили канадское ИКОМОС (арх. Мишель Боннетт), правительство Канады, региона и города Квебека и др. организации. Тема, которая обсуждалась среди специалистов разных стран мира, касалась не только памятников, исторических мест, но и духовных аспектов культуры. Ставились и обсуждались философские, антропологические и культурологические вопросы сохранения и развития общества и окружающей среды.

Ключевые слова: памятники, исторические места, духовные аспекты культуры, сохранение и развитие общества, окружающая среда, культурное наследие, исследователи, антропологи, способы и методы охраны, социокультурные ситуации.

Международный научный симпозиум «Дух места: между материальным и нематериальным наследием» проходил в конце 2008 года в рамках 16-й Генеральной Ассамблеи ИКОМОС (ICOMOS) – Международного комитета по памятникам и историческим местам в г. Квебеке, Канаде. Этот город находится в Списке исторических мест ЮНЕСКО, как и российский Санкт-Петербург, Красная площадь и пр. В Ассамблее, как и в симпозиуме, приняло участие более 850 специалистов из более 100 стран мира. Организаторами мероприятия помимо канадского ИКОМОС (арх. Мишель Боннетт) выступило правительство Канады, региона и города Квебека и др. организации¹. Автор данного текста приняла участие в симпозиуме и сделала доклад, который и представляет читателям².

Тема, которая обсуждалась среди специалистов разных стран мира, касалась не только памятников, исторических мест, но и духовных аспектов культуры. Ставились и обсуждались философские, антропологические и культурологические вопросы сохранения и развития общества и окружающей среды. Столь масштабный подход не может не вызывать уважения и одобрения. Но имеет и оче-

* **Севан Ольга Георгиевна** – заведующая сектором проблем культурной среды поселений Российского института культурологии, кандидат архитектуры, член ИКОМОС, президент Российского Комитета по селам и малым городам – ЕКОВАСТ, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Текст доклада О.Г.Севан, представленный на Международном научном симпозиуме «Дух места: между материальным и нематериальным наследием» (г. Квебек, Канада, 2008), публикуется в информационном бюллетене «Экология культуры» с разрешения автора.

¹ См. сайт ICOMOS: <http://quebec2008.icomos.org>

² Участие автора и поездка на данную Ассамблею были поддержаны Российским государственным научным фондом, проект №08 – 04 – 15070з, 2008.

видную сложность и в известной степени уход в идеальные построения, что порой не имеет отношения к реализации этих предложений и даже их принципиальную невозможность осуществления.

Хотя наследие длительное время ассоциировалось с застроенным окружающим пространством и материальной культурой (места, здания и артефакты), однако в последние годы повсюду в мире возрос интерес к нематериальному наследию (обычаям, представлениям, верованиям, ритуалам, празднествам, традиционным знаниям, фольклору и пр.) В 2006 году ЮНЕСКО ратифицировало Конвенцию об охране нематериального культурного наследия¹, направленную именно на охрану и содействие его развитию.

В 2003 году на 14-й Генеральной Ассамблее и научном симпозиуме ИКОМОС у водопада Виктория, Зимбабве, темой обсуждения стало сохранение нематериальных ценностей в памятниках в местах их расположения. Опубликованные документы симпозиума вызвали интересные дискуссии по поводу концепций, восприятий и управления нематериальным культурным наследием. В принятой, как следствие данного заседания, Кимберлийской декларации ИКОМОС обязался охранять и сохранять нематериальные элементы наследия во всех исторических местах, признанных Конвенцией о всемирном наследии 1972 года². Был создан Международный научный комитет по нематериальному культурному наследию (ICICH).

На Квебекском симпозиуме 2008 года предлагалось глубже исследовать и проанализировать нематериальное культурное наследие и его взаимосвязь с материальными памятниками с тем, чтобы разработать новые концепции, выявить потенциальные угрозы и выработать надёжные способы консервации и передачи духа места. Для целей настоящего симпозиума организаторами было предложено определить, что дух места – это материальные и нематериальные (идеальные) элементы, которые наделяют люди данное место значением, ценностью и эмоциями.

В чём же заключается дух места? Чтобы ответить на этот вопрос, было предложено рассмотреть взаимоотношения между духом и местом, между материальным и нематериальным наследием. Часто допускается, что дух места происходит из одного или другого, т.е. возникает либо из гения его создателя (отдельной личности, группы, сообщества, прародителя или даже сверхъестественного существа), постоянным присутствием которого отмечено это место, либо берёт начало из самого места, что наделяет определённым значением как его создателя, так и его пользователей. Достаточно часто люди отделяют дух от места, нематериальное от материального. И рассматривают их как две противоположности. Однако имеются многочисленные способы, которыми они взаимодействуют между собой.

¹ Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия принята 17.10.2003 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) на 32 сессии (г. Париж, 2003). На II сессии Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия (г. Токио, 3 – 7 сентября 2007) принято решение о создании списка нематериального культурного наследия человечества (*прим. ред.*).

² Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) на 17 сессии (г. Париж, 1972) (*прим. ред.*).

Рассматриваемый в качестве некоторой концепции дух места получает множественный и динамичный характер, способность обладать многозначностью, меняться во времени и принадлежать разным социальным группам. Этот более динамичный подход лучше адаптирован к современному глобализированному миру, характеризующемуся транснациональными перемещениями людей, возросшими межкультурными контактами и плюралистическими обществами.

Организаторы симпозиума были уверены, что не только человеческий гений создаёт места и овеществляет принятые в обществе обычаи; материальный мир также действует на разум. Взаимоотношения между мыслью и материальной культурой действительно являются диалектическими, множественными и постоянно изменяющимися. Основываясь на ранних работах исследователей¹, антропологи Дэниэл Миллер (Daniel Miller) (1987, 1998) и Кристофер Тили (Christopher Tilley) (1994, 2004, 2006) разработали понятие «овеществления», то есть процесса придания материальной формы абстрактной идее. Делая это, они подвергают сомнению гегельянский принцип о доминировании разума над материей, а также вывод о том, что мысль предшествует созданию материальной формы. Они заявляют, что представление о вещи в значительной степени создаётся в ходе самого процесса создания, в результате движения между абстракцией мысли и материальностью места или объекта.

Например, в своём исследовании плетения корзин Тим Инголд (Tim Ingold) (2000) отмечает, что плетельщикам корзин совсем необязательно мысленно представлять себе модель будущей корзины, им достаточно обладать традиционными знаниями и практическими навыками, которые и определяют их погружение в материал. Размер, природа и качество стеблей, а также временные рамки и внешняя конструкция – всё это способствует определению окончательной формы. Корзина на самом деле создаётся в ходе самого процесса изготовления, и её форма возникает из этого погружения, а не вырисовывается в мозгу ремесленника². Это во многом относится и к скульптуре и архитектуре. Архитектору приходится иметь дело с временными рамками, бюджетными ограничениями, природой строительных материалов, существующими зданиями и потребностями населения, и всё это играет важную роль в том, как будет построено здание. Этот диалектический процесс между познанием и созданием материальной формы не ограничивается моментом самого создания, он повторяется в ходе использования объекта или места его нахождения, а также в различных общественных целях его применения. Как указывает Миллер (Miller) (1987), овеществление представляет собой повторяющийся процесс, производимый и воспроизводимый в ходе всей социальной жизни, как мест, так и вещей.

Для обсуждения на симпозиуме было предложено пересмотреть понятия «дух» и «место», что заставило обратиться к теоретическим вопросам, связанным

¹ Роланда Барта (Roland Barthes) (1970, 1985) и Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu) (1979, 1980).

² По мнению доктора философии А.А.Пелипенко, в этом случае, однако, в уме ремесленника должен мерцать «эйдос» корзины, некий целостный «гештальт». А путём ползучих присоединительных изменений никакая целостная форма образоваться не может. Это очевидно на основе наблюдений за спонтанными детскими манипуляциями (Пиаже и др.) Любая структура – это, прежде всего идея, не выводимая из имманентных свойств материала, что было уже многократно доказано. (См., например, работы Э.В.Сайко о происхождении гончарного круга и т.п.).

с диалектикой данных понятий, а также между – нематериальным и материальным. Было бы интересно применить понятие «овеществления» к различным ситуациям и контекстам с тем, чтобы посмотреть, как оно видоизменяется во времени и пространстве. Само создание предмета наследия требует определённых диалектических взаимоотношений между материальным и нематериальным (идеальным). Восстановление памятных мест (территорий, ландшафтов) иногда требует создания реальных форм для выражения абстрактных идей, другими словами, процесса материализации нематериального, тогда как в других случаях восстановление требует разрушения материальной формы самого места для придания смысла, то есть не материализации материального.

Стоит обратить внимание на отношения между физическим местом, его создателем и использующими его людьми, которые порой могут использовать такое место совсем для других целей, чем те, для которых оно изначально создавалось. Важно в данном контексте вспомнить о таком понятии, как память человека, социальной группы или общества, т.к. она играет решающую роль в социальном создании духа места. Работы многих учёных показали¹, каким образом исторические места помогают запомнить важные события и людей, а также насколько активно они участвуют в строительстве и структурировании человеческой памяти. Порой именно места восстанавливают (или воплощают) память в такой значимой степени, что становится невозможным стереть её и заставить забыть то или иное событие. Такое явление знакомо многим людям.

Однако перед исследователями и специалистами, работающими в сфере наследия, встают вопросы, на которые стоило бы когда-либо получить ответы. Например, как возникает дух места, при каких условиях и в каком контексте? Как память человека фиксирует места, и как места вызывают воспоминания? В какой степени пользователи места способствуют созданию его духа, и является ли дух места общественным созданием? Если да, является ли он результатом продолжающихся переговоров между несколькими группами или он является политическим созданием? Не создается ли он зачастую для того, чтобы подавить или, наоборот, поддержать культуру меньшинств? Наконец, как социальные и/или политические обычаи (торжества, визиты, ритуалы и празднества), являющиеся по своей природе нематериальными, способствуют созданию и реконструкции мест и их духа, и можно ли восстановить память забытого места? Если да, каким образом и каковы будут последствия этого для общества?

Постоянно и повсеместно, между тем, имеются *опасности*, угрожающие духу места. Это и материальные аспекты, как-то физический упадок, намеренное разрушение, заброшенность, чрезмерный туризм и т.д. Но имеются и нематериальные составляющие, угрожающие духу места – ухудшение окружающей среды, фольклоризация, транснациональные миграции, а также этнические и религиозные конфликты, которые приводят к разрушению и запущенности мест, являющихся объектами наследия. И здесь для экспертов и специалистов также есть поле деятельности для решения вопросов, связанных с предотвращением разрушения исторических мест, в том числе с принятием законодательных актов, которые

¹ Например, Пьера Нора (Pierre Nora) (1996), Даниеля Фабра (Daniel Fabre) (2000).

бы помогли защитить находящиеся в опасности исторические места или новые способы инвентаризации, которые бы сохранили, усилили или вызвали к жизни дух места. Но каковы последствия проводимых в настоящее время экспериментов в этой области, пока не известно.

Очевидно, что для *сохранения* духа места имеются различные способы и методы охраны, которые уже используются несколько десятилетий. В большинстве стран мира были разработаны политики и практики сохранения исторических мест, памятников и материальных объектов, как и нематериального наследия. Несмотря на это продолжаются дискуссии по поводу того, что такое «надёжная практика» его консервации, и имеются большие трудности в ее практической реализации. Кроме того, появляется всё большее число мест, которые, будучи культурным наследием и находясь в Списке памятников ЮНЕСКО, становятся востребованной ценностью для разных соперничающих социальных и этнических групп, а значит, имеют и разный дух места, и разную память. И до сих пор не понятно, как современное общество должно реагировать и отвечать на такие требования в отношении исторических мест и территорий.

Но ряд вопросов также встаёт перед исследователями, и они касаются местного населения, поскольку не совсем ясно – влечёт ли за собой охрана духа места охрану местных поддерживающих его сообществ, и каким образом можно расширить участие населения в сохранении и управлении историческим местом – территорией. Это, по-видимому, является главным вопросом, т.е. передаётся ли дух места реальными людьми в их ежедневных занятиях, и насколько его выживание полностью зависит от них, и можно ли рассматривать локальные сообщества как единственных хранителей нематериального культурного наследия? Должны ли профессионалы, занимающиеся культурным наследием, сыграть в этом определённую роль, и каким образом?

Передача духа места – это важное условие сохранения, поскольку наследование обеспечивает выживание; если дух места (территории, ландшафта) не передаётся, он часто оказывается заброшенным и исчезает. Хотя передача и является решающим моментом, она в то же время представляет собой деликатную и сложную операцию, поскольку предполагает посредничество и посредников, которые сознательно или неосознанно трансформируют дух места, чтобы лучше сохранить его или завладеть им. Кроме того, различные группы населения могут завладеть местом (территорией), и его дух может быть, таким образом, трансформирован несколько раз на протяжении времени его существования. Как только местом повторно завладевают, и оно начинает рассматриваться в другом культурном контексте, часто в результате нематериальной практики оно может создать новый дух, новые социальные конфигурации и новых субъектов.

В такой ситуации встают интересные вопросы, на которые хотелось бы автору ответить в своём сообщении. Как, каким образом, при каких условиях и в каких контекстах передаётся дух места? Есть ли желание, и пытаются ли хранители/посредники сохранить или трансформировать дух места, и обязательно ли передача влечёт за собой его трансформацию? Если это происходит, то как изменение влияет на аутентичность? И кто конкретно передаёт дух места: владельцы ли места, его пользователи, проектировщики или те и другие? Наконец, можно ли

возродить или воссоздать дух места, и можно ли гарантировать, что возрождение места будет способствовать возрождению духа народа, населяющего его?

При ответе на часть перечисленных вопросов был предложен пример сохранения и трансмиссии духа места определённой территории, расположенной в бассейне р. Мезени Архангельской области, то есть на Русском Севере. Будучи главным архитектором проекта в 1970-1980х гг. одного из самых крупных российских музеев под открытым небом около Архангельска «Малые Корелы», предлагаю собственный метод создания пространства исторической среды, демонстрируя авторское видение трансмиссии духа места в таком комплексе посредством рисования. В этом процессе и кроется, на наш взгляд, одна из особенностей и методика представления духа места на новой территории искусственно создаваемых деревень – секторов, памятников и даже ландшафтов регионов, откуда эти сооружения перевозились. Смысл такой авторской демонстрации кроется в последовательном процессе: «чувственного внедрения в среду» – её изучение – фиксация – проектирование – реализация – контроль – презентация и, наконец – дарение и отчуждение.

Идею и потребность сообщества сохранить себя и свою самобытность, как условие существования необходимо осознать и передать последующим поколениям. И музей в этом социокультурном процессе является медиумом между людьми и культурой, задачей которого и является трансляция ценностей, знаний, опыта. Духовной предпосылкой музея в первобытном обществе служило создание человеком специфического культурного пространства, которое представляет имеющийся родовой опыт: через чувства, эмоции, т.е. как практический и духовный. Древние греки открыли искусство памяти (мнемотехника), позже вошедшее в европейскую традицию. В платоновской Академии («дом муз» – божество искусств, образование, просвещенность) философия соседствовала с воспоминаниями о великих предках, что было важной частью обучения. Знания своих истоков – это было спасением от забвения, то есть от смерти¹.

Русский философ Николай Фёдоров (1828 – 1903) писал о музее как об органическом единстве памяти и разума, что подтверждается лингвистическими и психологическими исследованиями, они убеждают нас, что муза и музей современны самому человеку. Они родились вместе с его сознанием. Философ считал, что музей – это выражение согласия и полноты душевной, где все три свойства человеческой души объединены в память: ум, чувство и воля. Музей – это подобие вселенной, проекта, объединяющего всех прошедших поколений (отцов) с последующими (сынами). Он объединяет науки (знания), нравственность (чувства и души) и искусства (красоты) для всеобщего общего дела².

Идеи немецкого философа Хайдеггера созвучны русскому философу. Память, писал он, – это собрание о том, что должно быть осмыслено в первую оче-

¹ Ломако О. Образ музея как реализация целостности в истории культуры: философско – антропологический анализ. Философский век. Альманах. Выпуск 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историсофской антропологии. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 23 – 26 июня 1997 г. / Отв. редакторы Т.В.Артемяева, М.И.Микешин. – СПб, 1997. – С. 102 – 107.

² Фёдоров Н.Ф. Музей, его смысл и значение / Сочинения. М., 1982, Т.2. Философия общего дела. – С.575 – 603

редь, всё, что существует и обращается к нам. Усвоить прошлое – значит понять нас самих: не что взять из прошлого, а что мы должны прошлому, и как нам вернуть ему наш нравственный долг. «Историческая социальная память является критерием совершенства и гарантом бессмертия»¹.

Отталкиваясь от фёдоровских идей музейного строительства рубежа 19 – 20 вв., что было знаковым движением того времени, когда вся культурная ответственность мира повернулась лицом к музеям, обратимся к современному анализу именно музеев под открытым небом. По сути, все исторические города или исторические сёла – это и есть такие музеи в естественных природных условиях и ландшафтах. И всё сказанное философом выше имеет отношение и к этим объектам. Но поскольку меня интересуют музеи, в частности, те, что создавались специалистами или местным сообществом, то есть непосредственно под открытым небом, то попробуем рассмотреть возможность трансмиссии духа места на примерах таких комплексов.

Такие музеи, как в Европе, так и в России, бывают трёх типов: скансены – перевозимого типа («Скансен» в Швеции, «Малые Корелы»² в России и др.); на местах сохранения сооружений – *in situ* (например, д. Холлоко в Венгрии) или смешанного типа. Здесь к уже имеющимся сооружениям перевозятся памятники с целью сохранения и демонстрации из других мест (о. Кизи в России). В Европе музеев под открытым небом насчитывается более 2000, в России – около 50.

Первоначальная задача формирования музеев под открытым небом, как известно, была сформулирована достаточно узко: памятники перевозили с целью их спасения. Их размещали на новой территории музея в соседстве с другими объектами без учёта принадлежности к той или иной историко-культурной зоне, порой и без учёта всего ансамбля сооружений. Динамику преобразования и развития музеев можно видеть во многих странах. Наиболее представительными стали музеи Швеции, Финляндии, Германии и т.д. Многие из них возникли в конце 19 – 1 половине 20 века. Российские же музеи под открытым небом возникли уже после Второй Мировой войны, а бум их строительства пришёлся на 1970 – 1980 гг.³ Хотя музейное дело стало складываться в нашей стране ещё в 18 веке.

Среди отечественных музеев под открытым небом одно из центральных мест занимает Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». В 1975 году был утверждён и позже реализован Генеральный план музея (архитекторы Б.В.Гнедовский, О.Г.Севан)⁴. В нашей стране он был

¹ Ломако О. Образ музея как реализация целостности в истории культуры: философско – антропологический анализ. Философский век. Альманах. Выпуск 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историсофской антропологии. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 23 – 26 июня 1997 г. / Отв. редакторы Т.В.Артемова, М.И.Микешин. – СПб, 1997. – С. 105.

² Федеральное государственное учреждение культуры «Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства “Малые Корелы”» (прим. ред.).

³ Севан О. Музеи под открытым небом Европы // «Обсерватория культуры» – М., 2006. №3. – С.60 – 69; *Её же*: Российские музеи под открытым небом // Обсерватория культуры. М., 2006. №6. – С.66 – 75; «Живой музей» в реальной сельской среде (продолжение) // Обсерватория культуры. М. 2007. №3. – С.68 – 71.

⁴ Севан О. Малые Корелы. Методика проектирования и проблемы формирования музея деревянного зодчества. // В сб. «Реставратор». №1. 2002. – С.35 – 38.

одним из первых, где доминирующим принципом строительства музейной экспозиции в тот период стал ландшафтно-средовой подход. Для реконструкции пространственного строя искусственно воссоздаваемых поселений (секторов музея) подробно исследовались в натуре исторические поселения и памятники во время большого числа экспедиций по разным территориям Архангельской области. Изучались планировочные и ландшафтные характеристики деревень и сёл, откуда вывозились памятники, типология сооружений и их размещения. Выявлялось историко-культурное зонирование региона.

В работе над созданием пространственного образа исторической среды региона и трансмиссии духа места, из которого перевозились памятники в музей, автором был предложен собственный метод работы. Он состоял не только из анализа и обмеров сооружений и поселений, их фотофиксации, но и рисования ландшафтов, памятников, в процессе которого происходит вживание и чувствование среды исследуемого места. Позже это ощущение среды и её особенностей переносится на проект конкретного сектора музея, а затем и реализуется в пространстве.

В этом исследовательском процессе и кроется, на наш взгляд, особенность и методика представления **духа места** на новой территории искусственно создаваемых деревень – секторов и даже региональных особенностей ландшафта, откуда эти сооружения перевозились. Смысл такого авторского проектирования кроется в последовательном процессе: «чувственного внедрения в среду» – её изучение – фиксация – проектирование – реализация – контроль – презентация и, наконец – дарение и отчуждение.

Начальный этап описываемого метода задаётся в процессе рисования, то есть «вхождения в среду», посредством архитектурного рисунка в натуре. Местные жители, поля, луга, как и весь окружающий мир, также становились участниками такого процесса «внедрения». Рисование и предлагаемый путь осознания места и его духа посредством рисунка резко отличается от многоуровневой фото- или кинофиксации или компьютерной графики, в том числе и нематериальных объектов, поскольку здесь отсутствует важный элемент восприятия – **время и память**. То есть метод «участия», вживания становится важным элементом осознания, то есть понимания объекта и его запоминания (памяти).

Выражение «то, чего мы не знаем – то не существует» можно видоизменить: «то, что мы не прочувствуем – то мы не запомним». Поэтому, говоря о ландшафтах, можно выделить его важные элементы – *цветовые и пространственные характеристики*, чему уделялось большое внимание художниками как в России (Б.Кустодиев, В.Поленов, И.Билибин и пр.), так и других стран, и о чём написано немало работ. Но важные элементы ландшафта – это *чувственные характеристики* человека, связанные с природой, её состоянием, временем года и сменой температур, дождём или снегом и пр.

Но кроме этого, существенным оказываются *звуковые* составляющие окружающего мира. При этом очевидно, что в сельской местности или в любом городе (промышленном, туристическом, приморском и пр.) такие характеристики будут различаться. Шелест листвы, пение птиц, далёкая или оглушающая музыка, шум моря, местный говор людей или разговор иностранцев, как и многое другое подсказывает человеку место его нахождения и окружающий ландшафт.

Запах также характеризует определённый ландшафт, будь это сельская местность с её специфическими атрибутами – просторами полей и лугов, запахами трав, леса, животных. На городских улицах человек ощущает иные составляющие – запах бензина, духов, пыли и т.п. Одни писатели блестяще описывали природные или городские визуальные ландшафты (И.Тургенев, Л.Толстой и др.), а другим удавалось передать ощущения их вкуса и запаха (Марсель Пруст). Это и запахи интерьеров храмов и дворцов, усадеб и дач. Борис Пастернак передал в стихах и в прозе дух своего любимого места – дачи-музея в Переделкино. И все, кто бывал там, знают, как это созвучно с прозой Пастернака, а, читая его стихи, вы ощущаете дух этого места.

Все эти элементы – важные составляющие ландшафта – влияют на наше душевное восприятие. Это можно передать в художественном исполнении – в рисунке или в живописи, а затем перенести на бумагу – проект и реализовать в пространстве. Можно надеяться, что это удалось сделать автору настоящих строк совместно с другими коллегами в музее «Малые Корелы», что и явилось реализацией предлагаемого метода работы.

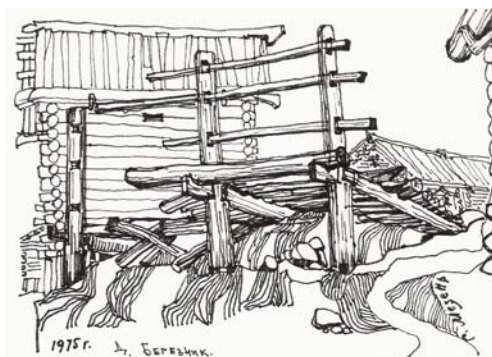

Иллюстрация 1. Рисунок О.Г.Севан деревни Козьмогородское, 1981 г. и подпорной стенки в деревне Березник, р. Мезень в Архангельской области, 1975 г.

Проникая в пространственное строение места, его деталей, будь то памятник или ландшафт, «в тишину его разговора с тобой» (а только в тишине можно прочувствовать дух места, его особенность, звук...), ты переживаешь связь времён, космическое пространство мира. Именно об этом писал Николай Фёдоров. Отмечая идеалистичность многих его высказываний, тем не менее, Ф.Достоевский, В.Соловьев, Л.Толстой и другие поддерживали его идеи и проект «регуляции природы». Эти идеи перекликаются с трудами родоначальников астрономии: К.Циолковского, В.Вернадского и А.Чижевского.

На основе не только изучения историко-культурных земель и памятников, региональных особенностей мест, организаторы и сотрудники музея стремились перенести и представить образ жизни населения и ощущение места, откуда эти памятники, в основном деревянного зодчества, перемещались. Все эти комплексы представляют интерпретацию реальной среды, поскольку восстанавливались из регионов и поселений не только сооружения культового и жилого зодчества, но и традиции и обычаи их жителей. Изучались древа семей различных социальных групп населения, которые отображались в интерьерах построек, в усадьбах и в искусственно создаваемых поселениях – секторах. Поэтому в музеях под откры-

тым небом, где учитывались такие составляющие элементы культуры, представлена как материальная, так и духовная сущность разных мест, регионов и стран.

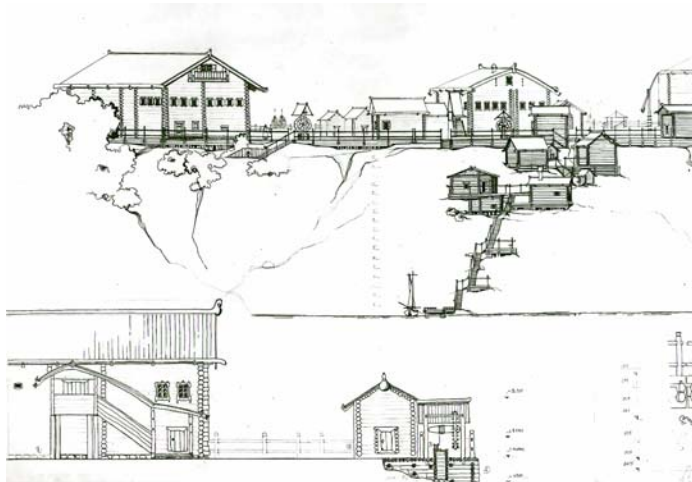

Иллюстрация 2. Проект Мезенского сектора, выполненный в 1983 году (арх. О.Севан, Н.Бровченко).

Произошла реконструкция и актуализация части жизнедеятельности населения, расширения представления о культурном наследии разных территорий, представленных в одном месте – в музее под открытым небом. Сегодня они стали площадками для обучения населения различным технологиям в сфере культуры и методам сохранения тех мест, откуда они вывезены. Местные жители, приезжая из этих далёких территорий, будучи участниками праздников или ярмарок, говорят на своём диалекте, показывают собственную кухню, одежду, народные инструменты. Своим поведением и небольшим сообществом они передают, привносят часть духа своего региона, своей земли, и что, несомненно, ощущают посетители музея. Учитывая, что это происходит на территории искусственно созданных деревень соответствующих регионов, общий контекст места и его ощущение присутствует.

Однако часто для туристов требуются пояснения, поскольку, как мы говорили, «То, чего мы не знаем – то не существует». И более того, это возможно при разумном количестве посетителей, что способствует восприятию и тишине «внедрения в среду» и ощущению места. Но это противоречит современным маркетинговым программам музеев, повсеместно ориентированным на привлечение всё большего числа посетителей и получение прибыли. Многие музеи под открытым небом становятся музеями-парками, что влечёт за собой другую структуру поведения их посетителей и демонстрации объектов¹.

Но в музеях под открытым небом, особенно в тех, что создаются на местах (*in situ*), при умелом использовании как недвижимых памятников, так и движимых, при профессиональном менеджменте можно добиться ощущения исторического места, новых социокультурных ситуаций и новых объектов показа. Такой метод работы может быть использован и в исторических городах.

¹ Materials 23rd conference Association of the European Open Air Museums, 2007.